

А. А. Илюшин

Из воспоминаний о Р. Г. Назирове

В. Ф. Переверзев, бывало, утешал своих учеников, сетовавших на недостаточную научно-техническую оснащенность нашего брата труженика пера: а какая вам потребна «оснащенность»? есть бумага, есть огрызок карандаша, можно сесть и писать, будь ты хоть в тюрьме, хоть где. Даже в книги — и то излишне заглядывать: всё должно храниться в твоей благодарной памяти.

Ромэн Гафанович Назиров знал об этом интересном напутствии и не то что бы во всём следовал ему (всё-таки сверялся с книгами, хотя и не всегда), но иные творческие замыслы свои вынашивал исключительно в голове, довольствуясь до поры до времени тем, что в неё внедрилось от ранее прочитанного. И получалось блистательно. Вот наиболее яркий пример. Вопрос: читал ли он роман Гюго «Труженики моря»? Конечно да, еще в молодые годы, причём не только в русском переводе, но и в оригинале. Вопрос второй: а рассказ Чехова «В море» — читал? Тоже да. Стоп, пауза: думаем, сопоставляем. И выясняется: сюжет чеховского рассказа пародийно отпочковался от текста «Тружеников моря». Эффект совершенно удивительного открытия. Из этого выросла статья «Пародии Чехова и французская литература», в последний раз републикованная в сборнике назировских статей «Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход» (посмертное издание: Уфа, 2005.). Туда же вошли и другие материалы по русско-французским литературным связям.

Париж, Париж... Рому иногда именовали «галломаном». И вот — «несется он к Франции милой» — принять участие в международной конференции по русской литературе. Впервые в жизни, гуляет по парижским улицам вместе со своим другом проф. В. Б. Катаевым, бывавшим здесь и ранее. Кажет-

ся несколько странным, что не очень-то смотрит по сторонам — сосредоточен, задумчив. Ничего странного, — возражает Назиров: я же тут всё знаю; вот, к примеру, пройдем еще с полквартила, и будет дом, в котором... И начинается его профессиональное повествование о достопримечательностях французской столицы. Выяснилось, что еще у себя дома он написал целую двухтомную книгу о Париже, предварительно изучив литературу вопроса, источники, главным образом франкоязычные.

Не запомнилось, владел ли он столь же свободно английским языком. Разве что такая забавная мелочь. Рома как-то сказал одной маленькой оживленной девочке: «Кэйт, ай лав ю» (на что она ответила: «Ай-м хэппи»). Вообще же дорогих его сердцу Шекспира, Байрона, Диккенса читал, конечно, в оригинале. По-польски не говорил, но отлично понимал речь полоноязычного собеседника. А однажды упрекнул коллегу-полониста, употребившего слово «однолитный»: так не говорят ни по-польски (правильное «jednolity»), ни по-русски (правильное «монолитный»). Разбирался в татарском — в родном языке своего покойного отца: умел, например, обстоятельно объяснить заинтересованному, когда и где лучше сказать «елга», а когда и где — «идель» (по-русски и то и другое — река). Да, поистине это был филолог с чертами полиглота — жил и мыслил в мире разноязычных слов. В первую же очередь — филолог-русист.

... — Рома, давай поиграем в хорошую филологическую игру — в «балду». Называешь какую-нибудь букву, потом я свою, потом опять ты и т.д. У кого получится слово, тот проиграл.

— Вот спасибо, что объяснил. А то я, видишь ли, не знал. Называю литеру «ш».

— А у меня «ю». Сложилось «шю». Считай, что ты проиграл.

— Почему проиграл?

— Потому что у нас только два слова с буквосочетанием «шю»: брошюра и парашют, и оба ведут к твоему поражению. Что, сдался?

— Не гони лошадей, дай подумать... О! называю «п».

Это ты, а не я проиграл. «Пшю...».

— Что это за «пшю...»? Какое слово ты для меня придумал?

— Пшют. Тебе ничего не остается, как только закончить это слово, назвав литеру «т».

— Назиров, ты что? Нет такого слова в литературном языке!

— Во-первых, понятие «русский язык» гораздо шире, чем «русский литературный язык». А во вторых, «пшют» есть в литературном языке. Чтобы в этом убедиться, загляни в нужный том на П в большом академическом Словаре современного русского литературного (!) языка.

Заслуженная победа досталась Назирову.

Филолог Р. Назиров не спорил с теми, кто называл его литературоведом. Он — свидетельствуют его ученики — не противился даже такому уродливому словечку, как «достоевсковед»: лишь бы не «достоевед», ибо писатель наш не «Достоев», а Достоевский (хотя, впрочем, от «Достоева» правильное было бы образовать не «достоеведа», а «достоевоведа», равно как от Чехова — не «чеховеда», а «чехововеда»). Но, как бы то ни было, несомненно, что Достоевский является главным героем исследовательской прозы Назирова. В краткий перечень пофамильно-алфавитных работ о великом писателе (см. программу вузовской дисциплины «История русской литературы», М., 2001), начинающийся с прославленной книги М. М. Бахтина, включена монография Ромэна Гафановича «Творческие принципы Ф. М. Достоевского», Саратов, 1982. Книга эта, как говорят в подобных случаях, подводила итоги и намечала перспективы. Дальнейший путь — серия работ о традициях Пушкина и Гоголя в русской прозе (разумеется и здесь Достоевский в центре авторского внимания). Докторская защита в Свердловске на эту тему.

Его живо интересовали не только великие и величайшие мастера, но и фигуры не столь заметные. Была у нас аспирантка, писала диссертацию о Степняке-Кравчинском. Ну и тема у вас, — сказал ей некто: это же террорист, разбойник! В разговор вступил Назиров: положим, он убил еще худшего

разбойника, — заметил он и рассказал подробности этой истории, а также кое-что о личности и творчестве Кравчинского. Аспирантка записывала: пригодится в «дальнейшей работе над темой». И так же с множеством других русских прозаиков: знал он их, отлично знал! Прозаиков знал, ладно. А стихотворцев?

Тоже знал и любил. Было такое: упоенно декламировал стихи В. Курочкина — «Безумцы» (из Беранже). Вот уже последняя строфа — и вдруг:

По безумным блуждая дорогам,
Плыл безумец навстречу мечте,
И безумец висел на кресте,
Ибо этот безумец был, Богом.

Но ведь у Курочкина иначе, другой текст. Назиров, думается, что-то присочинил. «Плыл навстречу» какой «мечте»? Христофор Колумб мечтал открыть вовсе не Америку, а кратчайший морской путь в Индию. Но всё равно стихи-то превосходные! А может быть, они самопроизвольно сложились в сознании или подсознании Ромэна? Такое редко, но случается. Вчувствование в поэтический текст может подчас несколько преобразить его, изменить. Правильное же чтение — сверяясь с наиболее авторитетными изданиями — следующее:

По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый свет;
Нам безумец дал Новый Завет, —
Ибо этот безумец был Богом.

...Из давнего прошлого. Зная, что я собираюсь проехать по Башкирии, Ромэн дал мне свой уфимский домашний адрес, с предложением, когда буду там, остановиться у его семьи. Так довелось познакомиться с его родными (мать, сестра, жена) и воспользоваться их щедрым гостеприимством. Рома, оказалось, «был самый нежный сын и брат». И муж, конечно, и отец. Сыну своему старшему собирался дать имя Эрнст. Ему отсоветовали, ибо имя сие неблагозвучно «ради соития частого согласных букв» (слова Радищева, комментировавшего свой консонантно-насыщенный стих). Хорошо, пусть будет Эдуард, тоже на букву Э — в память о несостоявшемся Эрнсте. Кое в чем уступка советчику, но в главном — верность себе!

Много лет спустя, осенью 1991 г. в Башкирском университете готовилась аксаковская юбилейная конференция. Ее организатор коллега Назиров предложил мне поучаствовать в ней. Почему бы не съездить еще раз в Уфу. Ехал и мысленно расспрашивал Рому «как тюрколога»: Аксаков — от слова «аксак» (хромой)? По Унбегауну — да. А причем тут тогда «аксакал» (белобородый)? Настроение было отличное. Испортилось в Уфе: Рома тяжело заболел, лежит в больнице, врачи опасаются самого худшего. Сердце! Говорить ему трудно, тут уж не до болтовни об Аксаковых и аксакалах. Лежит на больничной койке отрешенный, подавленный, осунувшийся. В те тяжелые дни Рому очень поддерживала его ученица, сотрудница, помощница С. А. Салова, спасибо ей. Но и ей, кажется, не очень верилось в его выздоровление. Ни ему самому.

И всё-таки тогда он выздоровел! Впереди еще 13 лет жизни — активной, творческой. Переступил границу, отделяющую второе тысячелетие от третьего. Но годы прошли, и вот уже 5 лет как с нами нет Ромэна Гафановича Назирова. Мир его памяти. «Усопший брат, мир памяти твоей».

Москва

*Александр Анатольевич Илюшин, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.*